

НИКТО, КРОМЕ НАС!

СПЕЦНАЗ
ВДВ

БАТЯНЯ. ОТВЕТНЫЙ ХОД

★ *Сергей ЗВЕРЕВ* ★

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев

Батяня. Ответный ход

«ЭКСМО»

2006

Зверев С. И.

Батяня. Ответный ход / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2006 — (Спецназ ВДВ)

Настоящий спецназовец в воде не тонет и в огне не горит. И в жарких пустынях, и на заснеженных горных вершинах, среди многолюдных улиц и в глухой тайге – везде приходится воевать офицерам-десантникам. На сей раз опытному Батяне – майору Лаврову и старшему лейтенанту Барханову предстоит поработать на Дальнем Востоке. Командование включило их в состав комиссии по испытаниям новейшего вертолета «Барракуда». Только офицерам придется заниматься совсем другими вещами. В условиях, приближенных к боевым...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Зверев

Батяня. Ответный ход

Глава 1

Отложив папку с документами на край стола, командир десантного батальона майор Лавров поднялся. Пальцы онемели от писанины. Взяв из ящика письменного стола пачку сигарет, закурил. В пепельницу полетела обгоревшая спичка. Окно в кабинет было приоткрыто, легкий ветер равномерно колыхал белые занавески. Настенные часы пробили ровно двенадцать.

«Каждая проверка – это минимум два года жизни, – вспомнились Лаврову слова его заместителя старлея Барханова, – легче уцелеть при ядерном взрыве, чем во время проведения инспекции».

Комбат отдернул занавеску, облокотился на подоконник и выглянул на улицу.

Из окна кабинета майора Лаврова открывался вид на военный городок. Несколько казарм с металлическими крышами, бликовавшими на позднем осеннем солнце. Аэродром авиабазы, где в дымке проступали огромные туши самолетов «Ил-76». Взвод десантников совершал пробежку. Вдалеке тянулась змейка бетонного забора, выкрашенного в белый цвет. Комбат, которого подчиненные иногда за глаза любовно называли Батяней, привык к этому унылому пейзажу, полюбил так, как можно любить родные стены. Его он мог представить с закрытыми глазами, оказавшись в любой точке мира, и не ошибся бы, обрисовал бы каждую мелочь, мало-значительную детальку.

Дверь в коридоре хлопнула, и до ушей майора донесся резкий, командирский голос. Разговор шел на повышенных тонах.

«Кого он там распекает?»

Лавров был не из тех, кто привык строить догадки и дожидаться, когда неприятности настигнут его сами. Толкнув дверь, очутился в длинном коридоре, в дальнем его конце стояло двое военных. Одного из них он узнал сразу – прапорщик Потапов, инструктор по огневой подготовке.

– И как это называется, товарищ прапорщик? – Московский полковник нервно махал рукой, в которой сжимал лист отчета.

Прапорщик пожал плечами и, втянув голову в плечи, выслушивал выпады полковника.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – только теперь, когда комбат подошел вплотную к проверяющему, почувствовал, что тот с «хорошего» похмелья.

– Здравствуй, майор! – Проверяющий буквально испепелил Лаврова взглядом покрасневших глаз.

– Разрешите узнать, в чем проблема?

– Дело в том, майор, что твой подопечный израсходовал на гарнизонных учениях трехмесячный лимит боеприпасов, – произнес полковник, – и не постеснялся отразить эту преступную цифру в отчете.

– Это правда, товарищ прапорщик? – Лавров посмотрел на Потапова.

– Так точно, товарищ майор, я не привык писать липу. – Прапорщик был немолодой, но голос дрогнул, как у подростка, оправдывающегося перед родителями.

– Вот видишь, я же вам говорю. А вдруг он их бандитам продал или, того хуже, террористам? – спросил полковник. – Все может закончиться судом. Я такие дела без наказания не оставляю.

– Если бы я крал, – вставил прапорщик, – то цифру бы расходов подогнал бы к нормативам.

– Каждый истраченный патрон из твоей зарплаты вычту, и все равно под суд пойдешь. Майор Лавров в душе улыбнулся. Все происходящее было, по большому счету, комедией, ведь все трое прекрасно знали, что прапорщик ни в чем не виноват. А тут еще прозвучали и идиотские догадки проверяющего насчет бандитов и террористов.

«Не к чему в военном городке придраться, так вот нашел... Прапорщикам всегда достается...» – подумал Лавров.

– Прапорщик Потапов, сколько заплатили вам бандиты? – серьезно спросил майор.

– Эти боеприпасы ушли на тренировку бойцов, вы же знаете, – кротко ответил Потапов, – если виноват, отвечу.

– Товарищ полковник, разрешите разобраться в этом деле лично мне. Я суров, но справедлив. Ну какой государству будет толк, если этого «куска» под суд отдать? Отсидит и вернется! А я ему тут такую сладкую жизнь устрою.

Полковник призадумался, но не замедлил с ответом.

– Майор, я тебя хоть хорошо не знаю, но вижу, что у тебя это получится не хуже моего.

– Я обязательно разберусь в происшедшем и немедленно. Прапорщик Потапов, пройдите в мой кабинет.

– Пожестче с ним, – сказал напоследок проверяющий.

– Непременно, я ему устрою сладкую жизнь, товарищ полковник.

Когда дверь в кабинет захлопнулась и ключ повернулся в замке, Лавров сел за стол. Прапорщик разместился напротив.

– Товарищ майор, да не крал я эти патроны...

– Хватит, – остановил его Лавров, – я знаю, что ты этого не делал. Боеприпасов, выделяемых для тренировок по нормативам, не хватает. Твоей вины здесь нет, скорее это упущение тех, кто составляет эти нормы. Они уже забыли, как стрельбище выглядит.

– Так, а что же будет со мной?

– Устрою тебе сладкую жизнь. Ты все правильно делал. Если десантник не умеет стрелять – грош ему цена. А то, что у нас занижены лимиты на боеприпасы, – это пусть тыловые крысы разбираются. На казенные дачи и сауны для генералов у них деньги есть, а на патроны для учебных стрельб – нету...

Продолжить разговор с прапорщиком ему не дал телефонный звонок.

– Да, понял. Буду! – Майор Лавров опустил трубку на рычаги. – В штаб авиабазы срочно вызывают. Мы уж как-нибудь в следующий раз продолжим твое перевоспитание.

– Спасибо за все, товарищ майор.

Лавров стоял в скромно обставленном генеральском кабинете и разглядывал носы своих ботинок. Командир дивизии генерал-майор Павлов, как всегда, выглядел загадочно.

– Проходи, майор!

– Вызывали, товарищ генерал? – спросил Андрей Лавров, хотя знал точный ответ.

– Вызывал, вызывал... – протянул генерал. – Как служба?

– Нормально.

– Не надоели проверяющие?

– Есть немного, – признался майор, – бумаги по каждому поводу писать приходится.

– Да, эта работа не для тебя, – генерал Павлов улыбнулся, – могу тебя порадовать, – он взял с края стола папку, открыл, – ознакомься с приказом!

– Снова совместные учения?

– Ты отправляешься в составе инспекционной комиссии на Дальний Восток. Проверка «точек» на боеготовность, заодно демонстрация новой техники.

– Товарищ генерал, разрешите спросить... А почему именно я?

– Паркетных шаркунов из «арбатского военного округа» обмануть можно. А ты всю жизнь армии отдал, тебя не обманешь...

– А что за новая техника?

– Новый всепогодный многоцелевой боевой вертолет, «Ростехвооружение» передало в ДальВо – Дальневосточный округ, для испытаний единственный экземпляр. Разработчик – конструкторское бюро «Миля». Оценишь возможности в экстремальных условиях... Ты же десантник!

– А как вертолет называется, случаем не «Черная акула»?

– Это прошлое, майор. Сейчас на дворе двадцать первый век и техника соответствующая, – произнес генерал, – а вертолет «Барракуда» куда помощнее. По крайней мере, это все, что удалось мне узнать. Остальное будет известно на месте. Понятно?

– Куда понятней, товарищ генерал. Все, что угодно, только с проверяющими распрощаться.

– Я их на себя возьму. Да, и отправишься ты не один, а со старшим лейтенантом Бархановым.

– Это все, товарищ генерал? Можно идти?

– Иди. Удачи, майор! – Генерал Павлов устало вздохнул и посмотрел на огромную стопку папок на столе, успевших накопиться за первую половину недели.

* * *

Тихоокеанские волны – зрелище впечатляющее. Не слишком сильный по местным понятиям шторм, поднявшийся на море два дня назад, никак не унимался. Острые гребни волн искусно шлифовали прибрежные волнорезы. Чайки, кружившие над водой, одна за одной опускались, выхватывая из мутной воды рыбу и вновь взмывали, направляясь к сухогрузам, пришвартованным у причалов. С мачт, с высоких кранов, закрепленных на судах, падали чешуя и рыбы хвосты. Пронзительные голоса морских птиц разносились по всему порту. Каждая из них замолкала лишь на время трапезы, но в это время вступали другие.

Туманная дымка, затянувшая прибрежный город, не хотела рассеиваться уже третий день. Сыпался дождь, смешанный со снегом, хмурое небо изредка отзывалось раскатами грома. Дальневосточный город мало чем отличался от других портовых городов восточной России: те же стандартные коробки домов, улицы в заплатках асфальта, причалы, склады, набережная, сложенная из бетонных плит. Еще пару дней тому назад была оттепель. Народ гулял на набережной, а сейчас она пустовала, штормовой ветер играл пивными бутылками, катая их по бетонным плитам. Пластиковые уносил вдаль, а стеклянные перекачивались, срывались за ограждения, падая вниз, ударялись о камни, разлетались вдребезги, звенели зеленым и коричневым стеклом о пляжную гальку.

К набережной, как к сердцу города, сползались ленты улиц: узеньких и широких. Они сходились у главной площади портового города. В ее центре возвышался памятник вождю революции, он, как и высотные краны, тоже не остался без внимания прибрежных чаек. Правая рука вождя была вытянута вперед, оттопыренный указательный палец указывал на ветхое здание школы, каменные губы застыли в еле заметной улыбке и словно говорили: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Правда, не уточняя, у кого и чему. Так что каждый был волен трактовать их по-своему. Все чему-нибудь и у кого-нибудь да учатся – и плохому, и хорошему.

К окраине города примыкал недавно построенный коттеджный поселок. Металлочерепичные крыши коттеджей яркими насыщенными цветами разительно отличались от серого городского архитектурного ансамбля. Вычурные формы частных домов выглядели укором однообразным хрущевским и брежневским бетонным коробкам. В поселке жизнь шла своим чередом, независимо от той, которая протекала в городе. Простым горожанам казалось, что там обитают не простые смертные. И машины у них «с нуля», и стекла в окнах сплошь затем-

ненные, и экзотические растения прижились, разрослись за пару лет, словно в джунглях. Но и в самом поселке «бог не ровно делил»...

Трехэтажный дом, архитектурой напоминавший средиземноморскую виллу, высился на горе, с которой как на ладони был виден весь город. Колонны, выполненные с намеком на античный стиль, украшенные ультрасовременной лепниной, прикрывали главный фасад здания. Место на горе было самое почетное. Чтобы заполучить его, пришлось выкупить и сломать пять частных домиков, простоявших там с полсотни лет. Человек, проживающий в доме, пользовался авторитетом не столько у местных жителей, сколько у всей городской администрации.

– Алло... Да, семьдесят пять цистерн сырой нефти?.. И сколько?.. Нет, сам не возьму... Могу подсказать... Свяжись с Красноярском, предложи им, если согласны, по курсу Московской товарно-сырьевой биржи на алюминий поменять – будет разговор. Алюминий я возьму. Он в нашем порту находится, а пока твоя нефть пол-России проедет, я только деньги заморозю...

Бизнесмен – Николай Павлович Ставропольский, продолжая говорить, поднялся с дивана, шагнул к барной стойке. Выбор спиртного не оставлял надежды, что можно отойти, не хлебнув чего-нибудь. Поправив сбившийся набок галстук, пожилой лысеющий мужчина плеснул в толстостенный стакан виски, вслед за жидкостью в стеклянную емкость упал кубик льда.

– Что еще? Лес-кругляк... У корейцев? Опять левый? А как я по документам его проведу? Если только цену сбросят... Жду! – Выключив мобильник и отложив его в сторону, Ставропольский устало зевнул.

Вновь опустившись на диван, он с грустью посмотрел на стену, где в небольших позолоченных рамках красовались старые почетные грамоты, свидетельства, украшенные красными знаменами и гербами СССР. Сегодняшний бизнесмен смотрел на них, вспоминая не менее славные времена своей жизни при советской власти. Над столом покачивался подвешенный к потолку макет вертолета. Лопасты винта лениво вращались – приводились в движение ветром маленького вентилятора, закрепленного прямо под ним. Отхлебнув шотландского виски, Ставропольский скривил губы, потянулся к вибрировавшему мобильнику, глянул на номер. Зазвучала полифоническая мелодия.

– Опять ты? И что – меня все же пригласили? Не спрашивали? Вспомнили старые заслуги авиатора. Так ведь... не по чину, я лицо гражданское. Ну, спасибо... Жду, приедешь – расскажешь подробнее.

– Что, ты все по телефону говоришь? – В гостиную вошла молоденькая девушка.

Расчесывая на ходу длинные черные волосы, Маша направилась к деду. Красивое смуглое лицо, крупные глаза, стройная фигура и спадающие на плечи пышные волосы делали ее привлекательной не по годам, хотя ей и было всего ничего – шестнадцать лет. Ставропольскому не раз приходилось объясняться с ее постоянно меняющимися кавалерами, в основном это были взрослые мужчины, а некоторые из них были даже женаты. Бизнесмену не хотелось, чтобы внучка так рано вступала во взрослую жизнь.

«Всему свое время, – поучительно говорил он ей, – уж поверь мне, я-то пожил и знаю. Им от тебя надо только одного...»

«Что ты такое говоришь? Это всем мужчинам надо. И мужу от жены, кстати, тоже...»

«Деньги им мои от тебя нужны и связи».

Но девушка лишь отмахивалась, не желая слушать умудренного жизнью деда. Такое отношение сильно злило Машу, и она не раз сбегала из дома. Но связи Ставропольского были безграничны, его люди, милиция тут же прочесывали город и приводили непослушную девушку домой.

– Чего тебе, внучка? – Бизнесмен протер слипающиеся глаза.

– Я пойду сегодня на дискотеку, и мне нужны деньги. Я не собираюсь все время сидеть дома, – девушка опустилась на мягкий диван, – золотая клетка хоть и просторная, но все же клетка...

– Мы уже говорили с тобой на эту тему.

– Ты же знаешь, если я захочу...

– Прекрати. Денег мне не жалко. Просто ты слишком молода, чтобы шляться по танцам. Девушка поджала ноги, одернула короткую юбку и, достав помаду, начала красить губы.

– Давай тогда куда-нибудь в Европу на недельку съездим! Сколько можно в этой дыре прозябать?

– Не могу. Меня послезавтра на полигон пригласили. – Ставропольский допил остатки виски.

– То бизнес у тебя, то твои жлобы в гимнастерках.

– Кто? – удивился бизнесмен.

– Ну... военные...

– Я сам погоны носил, ты знаешь, – Ставропольского слегка передернуло, по телу проплась неприятная дрожь, – не смей называть военных жлобами.

– Все равно жлобы, а строят из себя... погано смотреть. – Девушка закончила красить губы.

– Ты мне это прекрати. – Дед посуровел, лицо медленно наливалось краской.

– Как хочу, так и буду называть. – Маша встала с места и направилась к бару.

– Может, ты еще и при мне пить станешь? – Ставропольский заметил, как девушка откупорила бутылку мартини и пододвинула к себе бокал.

– А вот это я как-нибудь сама решу. Твое мнение насчет спиртного мне абсолютно неинтересно, – Маша улыбнулась, – могу и сигару закурить. Я шучу. – Мартини потекло из бутылки.

– Поставь стакан! – Бизнесмен побагровел.

– Я совсем немного. Ты бы радовался, что я от тебя не прячусь. Мои сверстницы в городе водку стаканами пьют, – вновь улыбнулась девушка.

И когда бизнесмен был готов взорваться, а скандал разгореться по полной программе, в гостиной появился невысокий накачанный мужчина. Подойдя к бизнесмену, он с уважением пожал протянутую ему руку.

– Здравствуйте, Николай Павлович.

– Привет, Витя. А ты, однако, быстро, не ожидал, что так скоро приедешь. – Ставропольский изменился в лице и тут же сделал вид, что забыл про ссору с внучкой.

– Как дела, Маша? – безразлично, но вежливо обронил невысокий накачанный мужчина.

– Нормально, – сухо ответила девушка, при этом на ее лице появился еле заметный румянец.

Мужчины замолчали, давая понять, что им нужно поговорить наедине. Бросив не слишком уважительный взгляд на бизнесмена, внучка вышла из гостиной, напоследок сильно хлопнув дверью.

– С характером! – подытожил Витя, присаживаясь рядом со Ставропольским.

– Вся в меня, – то ли с гордостью, то ли с сожалением в голосе произнес бизнесмен, – ладно, давай к делу.

* * *

С высоты птичьего полета вертолетная часть казалась лишь небольшой заплаткой, затерявшейся среди дальневосточной глуши и непроходимой тайги. На многие километры от нее не было и следа пребывания человека – деревья, сопки, снег да лед. Гуляла метель, отзываясь нудным завыванием в верхушках деревьев. Ни автострэд, ни железных дорог. Самым надеж-

ным средством передвижения в здешних краях был вертолет. Но если погода нелетная, приходилось ждать, и счет шел не на часы, а на дни. А уж если зарядила непогода, налетел какой-нибудь циклон, то могла пройти и неделя целая. Можно было пробраться к военной части и на машине, дороги, конечно, неасфальтированные, но зимой непролазной грязи нет, а от глубокого снега их расчищали бульдозеры лесозаготовителей. Правда, если застрянет машина на полпути, пиши пропало.

Крупные хлопья снега стремительно проносились по крышам ангаров. Высокий забор, обрамляющий вертолетную часть по периметру, казалось, вот-вот согнется под сильными порывами ветра, а столбы вырвет с корнем, как при урагане. Свет от прожекторов на вышках ходил ходуном, вырисовывая на белом ковре вертолетной части причудливые тени. Охрана, находившаяся у ворот КПП, укрылась от сильного ветра, засев в маленькой, но теплой и уютной будке. Кто в такую непогоду, кроме смены, рискнет выбраться на открытое пространство к воротам, кто попытается пробраться в вертолетную часть?

В одном из ангаров горел яркий свет. С внутренней стороны у входа дежурили двое широкоплечих мужчин в камуфляже. Они то и дело выглядывали на улицу через застекленный прямоугольник окна. Автоматы держали наготове, словно потенциальный противник уже был где-то рядом и крался к ним, сжимая в руке холодную рукоять ножа. Но эта была не вся охрана – двое других спецназовцев совершали обход ангара, не побоявшись выбраться на улицу в метель. Бульдозер прочищал выезд к взлетной площадке, на которой дымил выхлопной трубой потрепанный тягач.

В центре ангара величественно возвышался новенький вертолет, его лопасти отбрасывали тень на троих людей, топтавшихся рядом с машиной. Тщательно отполированный фюзеляж при желании мог служить зеркалом, чем и воспользовался один из мужчин в кожаной летной куртке – поправил расческой на голове пробор.

– Такого красавца я еще не видел. – Высокий полковник с залысиной провел рукой по блестящей поверхности вертолета. – Владимир Александрович, – уважительно, по имени-отчеству обратился он к летчику-испытателю с погонами майора на плечах, – как, вы сказали, он назывался во время разработок? Никак не могу запомнить.

Поправив сбившийся пробор, Пожарский улыбнулся:

– Рабочее название было «Скат», а потом остановились на другом – «Барракуда», Олег Константинович, «Барракуда».

– Звучно. Вижу, у нас в «Ростехвооружении» без дела не сидят. Да и тебе повезло. Управлять такой штуковиной, наверное, одно удовольствие, – полковник – командир вертолетной части блеснул залысиной.

– Да, мне как летчику-испытателю оказали огромную честь, доверив довести эту «вертушку» в экстремальных условиях.

– «Ростехвооружение» – предприятие солидное, занимается экспортом всех видов обычных вооружений, модернизацией военной техники, строительством военных объектов за рубежом. Но чтобы они такой вертолет создали, интересно... – Полковник задумался. – Наверное, по техническим характеристикам схож с «Черной акулой».

Борттехник и несколько механиков ждали поодаль от вертолета, прислушиваясь к разговору командира вертолетной части и пилота. Свою часть работы они сделали, все системы проверены, отрегулированы вертикальные и горизонтальные стабилизаторы, широкие аэродинамические гребни хвостового оперения. Вертолет был готов к взлету, но день основных испытаний еще даже и не назначили. Никто не хотел рисковать в плохую погоду – неудача в испытаниях сулила большие неприятности и увольнение с занимаемой должности. Пока имелось разрешение провести лишь пробный полет.

– «Черная акула» уже прошлый век. Это совершенно новая машина, аналогов которой нет. Так что если испытания пройдут успешно, Россия вступит на новый уровень вертолетостроения. Военные других стран еще только мечтают о подобном...

– Красиво говоришь, Владимир Александрович, аж дух захватывает, – произнес полковник, – управлять им, наверное, трудно.

– Вертолет имеет централизованную архитектуру, обеспечивающую максимальную интеграцию с системами управления, что значительно облегчает управление «вертушкой», – словно прочитав выдержку из описания, произнес испытатель.

– А как он в бою? – полковник заинтересовался рассказом пилота и не скрывал возрастающий интерес.

– «Барракуда» оснащена приемником предупреждения об облучении радаром и автоматически включает «прозрачный» режим, то есть мгновенно пропадает с экранов радаров. Ну и само собой – система предупреждения о пуске ракет.

– А со скоростью как?

– Максимальная скорость триста километров в час.

Полковник присвистнул:

– Для вертолета это круто! – Полковник погладил рукой лысину. – Вот только не могу понять одного – обычно экипаж военного вертолета такого класса состоит из пилота, летчика-штурмана, бортехника. Тут в экипаже только двое: пилот и бортехник. Мне, как вертолетчику, это непривычно.

– Вам это кажется странным, но вертолет напичкан электроникой, она и выполняет всю работу, которую раньше делали люди. Ничего невозможно замысловатого здесь нет, вот почему с машиной в полете управляются двое: я и бортехник. Этого вполне достаточно. В принципе это и есть главное – электроника, вот что тут самое ценное. И поверьте мне, это сердце вертолета, – пилот постучал по фюзеляжу вертолета, – сердце «Барракуды».

Командир вертолетной части проникся искренним уважением к пилоту.

«Вот таких специалистов бы, да побольше. Молодой, амбициозный, с техникой на „ты“, – подумал он.

– Это я обо всем в последнюю очередь узнаю, – улыбнулся полковник, – мое дело только обеспечить испытания. А вы, видимо, давно в курсе, что со дня на день прибудет группа офицеров-десантников, практиков, как раз и посмотрят испытания «вертушки», оценят по достоинству. Кстати, а почему эту машину в такую глушь загнали?

– В европейской части России демонстрировать ее не стоит. Не хотим светить раньше времени. Американцы там постоянный спутниковый мониторинг ведут, утечка информации... Мало ли что? А тут – глушь, посторонних нет. Да и условия здесь экстремальные, – пилот взглянул на часы, – пробный полет хорошо пройдет. Для него даже сегодняшний ветер не помеха.

– Это правильно, нечего им знать о наших достижениях, – проговорил полковник, – посмотрите полигон, где предстоит демонстрировать новые возможности «вертушки», он в десяти километрах отсюда.

– Ну что, вывезем его на площадку?

Тягач с урчанием вытянул вертолет из ангара. Метель на улице поутихла, в воздухе воцарилось относительное спокойствие. Прожектор на вышке выхватил лучом света из темноты тягач и осветил дорогу к площадке. «Барракуду» выкатили на площадку и поставили возле дежурного вертолета «Ми-28».

– Сразу видна разница! – Полковник улыбался, сравнивая «Барракуду» со старым вертолетом. – Такая же, как между молодой красоткой и древней беззубой старухой.

– Хотите осмотреть вертолет изнутри? – Пилот посмотрел полковнику в глаза. – Я, конечно, понимаю, что это нарушение инструкции, но для вас можно сделать исключение.

Командир вертолетной части не ожидал подобного предложения от представителя «Ростехвооружения».

«Когда еще посидишь в подобной машине», – подумал полковник.

– А это возможно? – еще раз уточнил он.

– Для вас да. – Пилот загадочно улыбнулся.

Открыв полковнику кабину, Владимир Пожарский произнес:

– Только ничего не трогайте, начальство не поймет, если что-нибудь произойдет... А я пока «Ми-28» осмотрю, давненько не приходилось летать на такой машине.

– Ради бога, – полковнику было уже не до испытателя, он был поглощен созерцанием приборов «Барракуды».

Пожарский подошел к старому вертолету, походил вокруг него, присел на корточки, после чего забрался в кабину. Минут через десять из «Барракуды» выбрался полковник, его лицо светилось от счастья.

– Столько хрени электронной. Так и не разобрался, что к чему, – честно признался он.

– Абсолютно новый подход к управлению машиной и контролем за системами. И я долго все изучал, пока все не запомнил, – снисходительно бросил испытатель, – а как у вас здесь с топливом? Я знаю, что в ДальВО всегда чего-то не хватает, потому что дорог практически нет.

Полковник устроился на сиденье рядом с представителем «Ростехвооружения».

– Да, все топливо пришлось для «Барракуды» слить. Только в этом «Ми-28» еще осталось, он ведь дежурный. А так весь вертолетный парк с пустыми баками стоит.

– А если пожар в тайге или еще что-нибудь? Что делать будете?

– Придется дежурным обходиться. «Ми-28» еще никогда не подводил.

– Кстати, я бы в город съездил. «УАЗ» дадите?

– Даже с водилой, – улыбнулся полковник.

– Хорошо. Только водителя я отпускаю, сам за руль сяду. У меня тут подружка, – доверительно произнес Пожарский, – сами понимаете...

– Все мы мужики... Езжай, майор, – полковник пожал руку испытателю.

Глава 2

Поселок корейцев-лесорубов с виду напоминал скорее эковскую зону, чем место, где проживают свободные рабочие. Колючая проволока, тянувшаяся поверх высокого бревенчатого забора, окончательно отбивала охоту у смельчаков через нее перебраться. Вышки для автоматчиков. Рубленые бараки, сложенные из свежих бревен, еще пахли смолой, а прорезанные в них окошки были настолько малы, что при желании и голову наружу не высунешь. Коммунистические лозунги были развешаны везде, где только возможно. На это в Северной Корее денег не жалеют. Они вешали иероглифами божественные заповеди идола корейской революции. Не скрыться было и от портретов великого вождя Ким Ир Сена и его сына – любимого руководителя Ким Чен Ира, нынешнего лидера Северной Кореи. Хотя первого уже и нет в живых, но официально Ким Ир Сен продолжает считаться в Пхеньяне реальным руководителем государства. Мертвец – «живее всех живых», парадокс, но при диктаторских режимах и не такое возможно. «Великий Вождь» и «Любимый Руководитель» – это не эмоции корейцев, а абсолютно официальные титулы.

На российском Дальнем Востоке северокорейские лесозаготовители обосновались недавно. По соглашению между правительствами Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики в Хабаровский край в середине девяностых прибыли северокорейские лесорубы. Для обеих сторон дело выгодное: часть поваленного леса остается в России, а часть идет в безлесный Пхеньян. Для местных властей – полная выгода и никаких проблем с иностранцами. В поселках северных корейцев своя администрация, своя служба безопасности, даже свои суды. В общем, маленькое государство со своими законами внутри другого, своеобразное гетто. Выходить за пределы которого строжайше запрещено – только на работу. Чтобы следить за порядком в каждом поселке есть свои северокорейские гэбэшники – а то подопечные «русской буржуазной заразы нахватаются». Для России работа северных корейцев выгодна, ни копейки не стоит, а лес – он сам по себе растет. Рассчитываются с лесорубами в Пхеньяне, к тому же ничего не стоящими северокорейскими вонами. А работать в России на Дальнем Востоке для корейца за счастье. Накормлен, одет, а на родине, в Северной Корее, народ траву ест. Ким Чен Ир в это время ядерную программу разрабатывает, отцовские идеи чучхе в народ продвигает.

За такое отношение к жизни своих граждан КНДР была включена США в «черный список» наряду с Кубой, Туркменистаном и прочими диктатурами. А русским что от этого? Пусть себе туркменбаши и любимый руководитель – сукины дети, но это свои сукины дети. Только однажды русским пришлось пострадать от главного корейца, когда Ким Чен Иру вздумалось отправиться в Москву из Пхеньяна личным поездом – в результате железной дороге пришлось поломать весь график пассажирских поездов на Дальнем Востоке и в Сибири. Масса россиян опоздала по своим делам, и материли тогда товарища Ким Чен Ира на чем свет стоит. Прямой ущерб из-за капризов диктатора составил несколько миллионов долларов.

Самый большой деревянный барак в поселке лесорубов был забит до отказа. Здесь всегда происходили открытые партсобрания. Стол президиума, накрытый кумачом, стоял на возвышении в конце просторного помещения, которому больше бы подходило название «сарай», если бы не две печки, сложенные умелыми корейскими руками, чего-чего, а дров в тайге хватало. Ряды самодельных стульев, табуреток с уложенными на них досками, заполнились – ни одного свободного места. А те, кто вернулся с дальних высечек, стояли, подпирая стены. Невысокий кореец, с зачесанными набок черными волосами, руководитель службы безопасности поселка, секретарь парторганизации – Ли Эр Йон, толкал речь. В моменты, когда он замолкал, слышно было, как жужжит ожившая в тепле муха, так внимательно слушали Ли Эр Йона, взвешивали каждое слово и время от времени синхронно кивали. Этаким съезд коммунистической партии

из советского прошлого, только депутаты не в добротных костюмах, а в истертых ватниках и все узкоглазые. Оратор резко поднял руку, прокричал здравицу любимому руководителю всех корейцев, да так громко, что сидевшие в первом ряду чуть не позатыкали уши, но это было бы расценено как антикоммунистическая пропаганда. Потом обвел присутствующих хищным взглядом, прищурил и без того узкие глаза, наполнил стакан водой из графина. Ударил кулаком по столу и вновь ринулся в словесный бой.

Со слов парторга выходило, что бригадир лесорубов Чой Ен Сун – враг народа. Вчера во время работы он потерял в глубоком снегу значок с изображением Ким Ир Сена. Всем корейцам такие значки выдаются в обязательном порядке, и потерять его – то же самое, что предать Родину. Бригадирю было оказано доверие – парторг дал ему ночь на поиски, но священное изображение вождя так и не отыскалось.

У возвышения стоял немолодой кореец с поникшей головой и почерневшими, отмороженными за ночь бесплодных поисков ушами. Всю ночь провел в лесу – удирать к русским даже не помышлял, все равно милиция потом привезла бы его в поселок и сдала службе безопасности. Именно он и стал сегодняшним козлом отпущения. Оправдываться было нечем: глядя на портрет любимого руководителя Ким Чен Ира, висевший за спиной у оратора, он лишь шептал о полном признании вины и утрате революционной бдительности. В глазах читался страх, ноги подгибались, еще чуть-чуть, и он бы потерял сознание. Лица слушающих были суровы, десятки глаз с осуждением смотрели на бригадира, его готовы были разорвать на части, как беспомощную мышь, попавшую в лапы проголодавшегося кота. И не за то, что потерял значок, бригадир – все же шишка по лагерным понятиям, и он успел нажить себе врагов среди рядовых лесорубов.

Парторг остановился, в зале повисла тишина. Ли Эр Йон бросил испепеляющий взгляд на бригадира и начал зачитывать проект решения партсобраний, из которого следовало, что товарищ Чой Ен Сун утратил революционную бдительность и должен понести суровое наказание. Это могло означать лишь одно – дело врага народа передается в народный северокорейский суд, находящийся здесь же, в поселке. Мерзавец и пособник американских империалистов достоин сурового наказания – как минимум, тюремного заключения.

Собрание подошло к концу, настала финальная часть – голосование. Все присутствующие дружно подняли руки, бригадир Чой Ен Сун единогласно был признан виновным. И никого не удивило, что к врагу народа тут же подошли двое охранников, бригадир покорно заложил руки за спину, и его повели к выходу. Под гневные крики собравшихся бригадир покинул барак. Загремели доски, табуреты, составлялись к стенам стулья.

Выйдя на крыльцо, парторг закурил. Подняв меховой ворот кожаного плаща, он жадно затянулся. Буржуазные сигареты «Мальборо» с отломанными фильтрами были предусмотрительно переложены в корейскую бумажную пачку. Хлопья снега опускались на черные волосы. В небе послышался стрекот винтов, Ли Эр Йон запрокинул голову. Над поселком пронеслась «вертушка» непривычных очертаний – быстро скользнула по небесной глади и в считанные секунды исчезла из виду. Кореец проводил вертолет задумчивым взглядом.

* * *

Ветер, пришедший с моря, все еще бушевал над дальневосточным портовым городом. В зале, где собрались приехавшие из Москвы и с Нижнего Поволжья, царил легкая нервозность. Но несмотря на нее, в помещении чувствовался уют, ведь в окна бил мокрый снег, и даже сверкнула пара молний. Устроившись в одном из кресел, майор Лавров разглядывал присутствующих, среди которых были гражданские из «Ростехвооружения», полковники и подполковники, прибывшие на Дальний Восток из Москвы. Старший лейтенант Барханов сидел рядом с майором, и было понятно, что происходящее столпотворение его раздражает.

– Не люблю такие собрания. Шумно, как на базаре, – вполголоса произнес старлей.

– И не говори, – отозвался майор, – но иногда бывает полезно посмотреть на гостей из Москвы, строят из себя генералов, хотя сами и до полковников с трудом добрались. В такие моменты понимаешь, почему на один толковый приказ два дурацких приходят.

Присутствующие рассаживались, в зал вошел полковник Рылеев, руководитель испытаний. Тут же поднял руку, предупреждая традиционное в таких случаях «товарищи офицеры...». Пройдя к массивному столу, он запрокинул голову и попросил минутку молчания.

– Здравствуйте, господа и товарищи, – Рылеев откашлялся, – нас собрало здесь вместе совершенно выдающееся и секретное дело. Нам выпала честь участвовать в испытаниях нового вертолета, произведенного конструкторским бюро «Миля». Именно от нашей принципиальности, непредвзятости и будет зависеть дальнейшая судьба самого современного отечественного вертолета, «Барракуды». Россия находится на новом пороге... В «Барракуде» воплощены все новейшие достижения...

Старлей отвел взгляд и улыбнулся.

– Сейчас начнет про перспективы развития отечественного авиастроения заливать.

– Послушаем, может, что-нибудь конкретное и услышим, – произнес майор.

– ...вертолет был доставлен по железной дороге в пенале, затем автотранспортной платформой в летную часть. Пробный полет прошел успешно, – продолжил полковник, – в последний момент в состав комиссии были включены и представители спецназа ВДВ ГРУ. Вертолет создавался как многоцелевой, и им предстоит оценить его преимущества на практике. Хотя использование «Барракуды» в качестве десантного средства при проведении диверсионных и антитеррористических операций лишь одна из возможностей. Заметим, не главная. Тем не менее: майор Лавров и старший лейтенант... – полковник тщетно искал в бумагах фамилию «Барханов», и старлею пришлось назваться самому, – а теперь, господа, – последнее слово Рылеев произнес фальшиво, с усилием, но одновременно и с удовольствием, – можете ознакомиться с техническими характеристиками «Барракуды», правда, пока только на бумаге, и с программой испытаний, – Рылеев указал рукой на стопку запакованных в пластик листов. – Если возникнут какие-нибудь вопросы, обращайтесь к представителям «Ростехвооружения». Спасибо за внимание.

Присутствующие не спеша потянулись к столу. Московский полковник, только что закончивший речь, отошел в сторону и принялся с важным видом изучать какую-то бумагу.

Майор со старшим лейтенантом тоже подошли к столу.

– Старлей, давай-ка посмотрим, кто включен в список приглашенных. Вдруг знакомого увидим? Мало ли.

– Что-то мне мало верится.

Батяня просмотрел список приглашенных, но знакомых ему фамилий не нашел. Напротив каждого приглашенного указывались его звание и занимаемая им должность.

– Я же говорил, – старлей посмотрел на Батяню, – наши фамилии в самом конце. Хоть другие стоят по алфавиту. Не слишком нас здесь и ждали.

– Не мы самые последние, это интересно. Кто такой Ставропольский? – Майор Лавров ткнул пальцем в конец списка. – К тому же еще и бизнесмен, гражданский. Тут только люди военные. За что ему такая честь – стоять самым последним в списке?

– Родственник или хороший знакомый кого-нибудь из «Ростехвооружения», какая нам разница?

– Может, и никакой, но узнать интересно. Надо спросить у полковника, он-то наверняка знает.

– Только без меня, я тебя здесь подожду, – Барханов подхватил со стола папку с техническими характеристиками вертолета, – это куда более важно.

Заметив приближение майора, полковник оторвал взгляд от бумаги и вопросительно посмотрел на Лаврова.

– Товарищ полковник, разрешите задать вопрос?

– Конечно, майор. Если даже я чего-нибудь не знаю, то специалистов можно отыскать через десять минут.

– Специалисты здесь ни при чем.

– Вы по поводу организации быта и досуга во время испытаний?

– Разрешите узнать, почему в списках приглашенных числится гражданский? – спросил Лавров.

Полковник нахмурил брови, но тут же расслабился:

– А, так вы про Ставропольского. Это местный предприниматель. Приглашен на полигонные испытания в качестве почетного гостя.

– Простите за нескромный вопрос, а за что ему такая честь? – Батяня говорил уверенно.

– Много помогает ДальВО материально. Сам в прошлом офицер-вертолетчик. С боевым опытом – в начале 50-х в Корее воевал.

– Значит, все-таки какое-то отношение к испытаниям имеет, – как бы про себя проговорил майор Лавров.

– Это все, что вы хотели узнать, майор? – Полковник дал понять, что у него не так уж много времени для пустых разговоров.

– Более чем, – сухо ответил Лавров.

Найдя взглядом старшего лейтенанта Барханова, майор направился к нему.

– Старлей, мне это совсем не нравится, – тронув за плечо десантника, сказал майор.

– А вертолет еще тот. Триста километров в час развивает.

– Я не о машине, а о бизнесмене. Предчувствие у меня плохое. Испытания секретные, а гражданского в список включили.

– Не ищи загадок там, где их нет. Тут все понятно. Не будут же начальники за свои деньги поить гостей. Бизнесмен проставляется. Гражданский и стол накроет, девочек позовет. Вот тебе и почетный гость.

– Слишком просто, – задумался Батяня, – хотя на правду похоже.

– Майор, ты переутомился. Мне это тоже не нравится как военному, а что делать? Мы бы с тобой и бутылкой водки на двоих в гарнизонной гостинице обошлись, а московские любят гульнуть.

Лавров не успел ответить. Послышался голос московского полковника, вещающего о том, что сейчас перед собравшимися выступит представитель «Ростехвооружения».

* * *

Тусклый свет торшера освещал небольшую, но со вкусом обставленную комнату в городской квартире. Темные шторы, прикрывавшие окно, то вздымались, то опускались на ветру, подобно морским волнам, неожиданно взбунтовавшимся, на синей морской глади – открытая форточка давала знать о близости океана. В зеркальных раздвижных дверцах платяного шкафа отражались две обнаженные фигуры. Нижнее женское белье и предметы мужского гардероба устилала не прикрытый ковром сияющий паркет. В воздухе веяло дорогими духами, гармонично сочетающимися с льющей из динамиков музыкой Шопена.

Девушка игриво захлопала ресницами и, опустив голову на плечо мужчины, заглянула ему в глаза:

– Витя, ты меня в самом деле любишь?

– Ты каждый раз задаешь один и тот же вопрос, – серьезно ответил мужчина, – и заранее знаешь на него ответ.

– Все равно приятно слышать это каждый раз после того, как позанимаешься с тобой любовью, – Маша Ставропольская слегка обиделась и, убрав голову с мужского плеча, перебралась на другую сторону широкой кровати.

Белоснежное одеяло, прикрывавшее женские прелести, соскользнуло вниз, обнажив широкие бедра. Мужчина почувствовал непреодолимое желание. Он с силой повернул девушку к себе, девичья обида растворилась в крепких мужских объятиях.

– Тебе понравилось? – уже перевернувшись на спину и закурив сигарету, Витя выпустил струю дыма.

Маша улыбнулась:

– Может, ты мне что-нибудь скажешь?

– Я тебя люблю, – слетело с тонких губ мужчины.

Нагая девушка поднялась с кровати и, подхватив со столика бутылку шампанского и два бокала причудливой формы, присела рядом с любовником.

– Тебе нравится музыка, какую я поставила?

– А разве что-то играло? – Виктор прислушался и только сейчас различил тихие звуки фортепьяно.

– Глупый ты, глупый, но ты у меня самый красивый! – Маша наполнила бокалы. – За нас, дорогой.

Как только они выпили, Витя обхватил девушку за талию и уложил рядом с собой.

– Ты что, опять поссорилась с дедушкой?

Девушка отвела взгляд к стене, и молодое личико сделалось серьезным, розовые щечки надулись.

– Я же просила не говорить со мной об этом...

– Зря ты так, Николай Павлович классный мужик.

– Тогда почему он не отпускает меня одну в город? Я же самостоятельная и могу отвечать за свои поступки, – произнесла Маша, – повсюду за мной следуют его обезьяны-охранники. Ты, конечно, исключение.

– Спасибо на добром слове. Я дрессированная тобой обезьяна, – Витя улыбнулся, – просто он сильно беспокоится о тебе.

– Я этого не понимаю, – девушка закурила, – насильно никого счастливым не сделаешь. Мужчина встал с кровати и пошел в ванную.

– Я в душ. За пять минут по мне не соскучишься?

– Как-нибудь переживу. – Маша Ставропольская забарабанила тонкими пальчиками по бутылке шампанского.

Заурчал кран, зашумела вода. Через несколько минут в спальне появился Витя. Обмотавшись длинным полотенцем, он уже причесывал мокрые волосы. По накачанной мужской груди все еще стекали маленькие капли воды.

– Ты в курсе, что твоего деда пригласили военные, – мужчина положил расческу на тумбочку, – на полигон? Я его повезу.

– Ну и что? – огрызнулась Маша. – Мне-то какое дело? Хотя жаль, что мы с тобой несколько дней не будем видеться.

Витя опустил руку на хрупкое плечо девушки, в его глазах блеснул непонятный ей огонек.

– Ты чего, – удивилась Маша, – глазами стреляешь?

– Это так, у меня бывает, – отмахнулся мужчина, – я бы на полигон поехал... вместе с тобой. Новые впечатления. Природа, свежий воздух. Заодно из дома выберешься. Когда еще такая возможность представится?

– Ты это серьезно? – Девушка засмеялась. – Ты же знаешь, я военных не люблю. Нудные они.

– Серьезней не бывает. Военные нам не помеха. Тебя же никто не заставляет с ними общаться. Они сами по себе, дед с ними, а у нас будет другая программа.

– Тогда давай, – девушка искренне заинтересовалась, – попробуем позаниматься любовью где-нибудь... – Маша задумалась.

– В машине, в зимнем лесу. По-моему, там этого мы еще не делали, – тут же нашелся Витя.

– Ты просто прелесть. – Девушке явно понравилось предложение. – Дед все организует, если я его попрошу.

– Твой дед в курсе, что мы встречаемся? – напряженно спросил Витя.

Маша покраснела, на личике появился румянец:

– Конечно, нет. Ты только представь, что бы он сделал, если бы узнал, что я встречаюсь с его водителем и телохранителем? – Девушка забарабанила пальчиками по пустому бокалу. – Мне шестнадцать, тебе тридцать два. За совращение малолетних...

Вите не понравилось подобное замечание, он не любил, когда Маша напоминала ему о разнице в возрасте.

– Но ты не собираешься говорить ему об этом? Он же меня тогда...

Но ответить девушка не успела, в кармане пиджака, валявшегося на паркете, зазуммерил мобильник.

– Мы еще поговорим на эту тему.

Витя вынул телефон и, вдавив на панели кнопку, удалился на кухню. Маша тяжело вздохнула и, присев напротив небольшого зеркала, стала приводить себя в порядок.

– Да, в машине на зимней природе я еще не пробовала, – влажные губы девушки расплылись в загадочной улыбке, – это будет необычно.

– ... да все в порядке... идет по плану... Как и договаривались. – Краем уха Маша успела уловить заключительные фразы телефонного разговора.

Из кухни Витя вернулся с чашкой кофе. Аромат свежесваренного кофе приятно щекотал ноздри.

– Кто это?

– Мои личные дела, дорогая. Мне пора, – уклонился от ответа мужчина.

– А то я уже подумала, что дед тебя ищет...

– В машине, на природе, как и обещал, – напомнил ей Витя.

Входная дверь однокомнатной квартиры хлопнула, и девушка осталась наедине со своим зеркальным отражением. На ее губах все еще играла загадочная улыбка.

* * *

Фары бежевой «Тойоты» выхватили из темноты дорожное ограждение. Машина резко свернула, напоследок запоздало мигнув правыми поворотниками. Под протекторами затрещали тонкий лед и гравий, с порывом ветра в чуть приспущенное окошко залетел отвратный запах. Салон мгновенно наполнился «ароматом» тухлятины и гнилья. Вонь исходила от прибрежной свалки, куда рыбаки ежедневно сбрасывали испорченную рыбу и отходы морепродуктов. Несмотря на то что на улице стоял мороз, «ароматом» веяло за километр. Теперь подымай не подымай стекло, все равно ничем не поможешь. Запах, казалось, навечно поселился в машине. Над «японцем» закружилась стая чаек – за несколько секунд лобовое стекло покрылось десятком белых пятен. Водитель выругался и включил стеклоочистители.

– Ну и денек выдался. – Крепкий мужчина, сидевший за рулем, с отвращением посмотрел на белое вязкое вещество, размазанное «дворниками» по стеклу автомобиля.

«Тойота» выехала на складскую площадку с покореженными ржавыми морскими контейнерами и сверкнула стопниками. Заглушив двигатель, Витя привел сиденье в полулежачее положение и откинул голову на жесткий подголовник.

– Мужик, может, закурить найдется? – На приспущенное стекло окошка легла пара грязных пальцев.

Витя по инерции потянулся к «бардачку», где всегда лежал пистолет, не раз спасавший ему жизнь. Но, рассмотрев в темноте испитое заросшее лицо незнакомца, лишь выругался.

– Держи и вали отсюда. – Вместо пистолета Витя вытащил из «бардачка» почти пустую пачку недорогих сигарет.

– Дай вам бог. – Бомж жадно выхватил пачку с тремя сигаретами и растворился в темноте.

Витя щелкнул зажигалкой, и в приспущенное окошко вылетела тонкая струйка дыма. Где-то вдалеке загорелся огонь, загремели громкие пьяные голоса. На металлических стенках морских контейнеров, которыми была заставлена часть площадки, заплясали десятки теней.

– Ну и место.

Сплюнув в окошко, Витя крутанул колесико магнитолы – из динамиков полилась спокойная классическая музыка. Когда нервы доходили до предела, а пять минут ожидания казались вечностью, Витя всегда включал Моцарта. Кассету с записью подарила ему Маша. Он и сам не знал почему, но эта музыка действовала на него успокаивающе.

Уже смеркалось. Фары автомобиля, вспыхнувшие сзади, заставили Витю вздрогнуть. На лбу проступили капельки пота.

– Теперь и музыка не поможет. Это он.

Водитель бросил взгляд на циферблат часов – ровно половина шестого.

– Такие люди не опаздывают. – Витя затаил дыхание.

Дверца приехавшего автомобиля хлопнула. Посмотрев в зеркало заднего вида, Витя прищурился и прикрыл глаза тыльной стороной ладони. Яркий свет фар беспощадно слепил глаза. Человек низкого роста, одетый в длинный черный плащ, неторопливо приближался к «Тойоте»:

– Здравствуй, – он опустился на заднее сиденье, – свет в салоне не включай.

Витя нервно протер о штаны вспотевшие ладони. Закурил еще одну сигарету.

– Не нервничай, – человек в черном плаще говорил спокойно.

– Я и не волнуюсь, просто...

– Выключи музыку, она действует мне на нервы.

Динамики заглохли, ветровое стекло с водительской стороны плавно поползло вверх. Витя почувствовал себя неуютно, как будто он сидел в чужой машине, а не в своей собственной.

– Вот теперь и поговорить можно.

На некоторое время в салоне повисла гнетущая пауза. Витя выстукивал на приборной панели одно из бессмертных произведений любимого композитора Маши и даже не мог вспомнить его имени. Пришелец тем временем смотрел на спинку водительского сиденья.

– План еще в силе? – Витя вдавил окурочок в наглухо забитую бычками пепельницу.

– Конечно, иначе мы бы не встречались сегодня.

– Все может случиться. Кто его знает.

– Ты собираешься дать задний ход?

Витя колебался, не зная, что именно ответить. Любой ответ мог быть истолкован не в его пользу.

– Ты платишь, как и договаривались?

– Обижаешь. – Узкие глаза незнакомца блеснули.

– Тогда я по-прежнему в деле.

На лобовое стекло «Тойоты» упал белый комочок птичьего помета.

– Как меня эти чайки достали. – Витя ударил кулаком по сиденью.

– Ты уже договорился? – прозвучал спокойный вопрос.

– Все будет в порядке, – ответил Витя, – это было несложно.

– Вот и славненько!

Три бомжа, устроившись за стенкой из картонных коробок от рыбных консервов, оживленно, но беззлобно ругались. Их грязные, закопченные лица озаряли языки пламени, вырывающиеся из дырявой жестяной бочки. Такой костер был единственным способом спастись от холода и пронизывающего ветра, гуляющего по складской площадке. Вскоре около бочки появилось еще несколько бездомных, из карманов у них торчали рыбы хвосты.

– Сейчас жарить начнут. – Витя скривил губы.

Незнакомец с отворачиванием посмотрел на заляпанное лобовое стекло.

– План безупречен, и многое в нем будет зависеть от тебя. Но если подведешь...

– Я понимаю.

Гость опустил руку в карман плаща, и под ноги водителю упал целлофановый пакет.

– Здесь ровно половина, как и договаривались. Другую получишь после выполнения твоей части работы.

Витя поднял с пола пакет и перелистал новенькие купюры. Переломив не слишком толстую пачку пополам, он спрятал деньги в «бардачок».

– На дне пакета – коробочка. Там же инструкция, все сделаешь по написанному. – Невысокий мужчина хлопнул дверцей.

Фары его автомобиля загорелись, машина дала задний ход. Витя остался наедине со своими мыслями. Вновь включив магнитолу, он вслушивался в игру скрипки с оркестром.

– И что Машка в этом находит? Не пойму. Но иногда до самого нутра пробирает.

Глава 3

Проехать на территорию поселка корейских лесорубов и выбраться из него можно было только по специальному разрешению. Выдавалось оно лишь двумя людьми: начальником охраны и парторгом Ли Эр Йоном. Для последнего не существовало никаких запретов, он сам их устанавливал для других. Он мог выезжать и возвращаться в гетто, когда ему вздумается, чего не могли рядовые корейцы-лесорубы, постоянно вкалывающие на лесоповале: лес – зона, зона – лес. За выполнением всех инструкций и правил строго следила специальная комиссия, созданная самим Ли Эр Йоном. И если кто-то осмеливался ослушаться, тут же получал по заслугам.

Единственная дорога, ведущая в поселок, заканчивалась массивными воротами, за которыми кипела коммунистическая жизнь.

Старый «УАЗ», за рулем которого сидел Ли Эр Йон, миновал просеку и подкатил вплотную к КПП. Кореец-охранник молнией сбежал из будки-высотки, козырнул парторгу и отворил ворота. Ли Эр Йон надменно посмотрел на расшаркивающегося перед ним охранника и ухмыльнулся.

Припарковав машину напротив небольшого бревенчатого здания, на козырьке которого развевался корейский флаг, он поспешил подняться к себе в кабинет, расположенный на втором этаже. Сжимая под мышкой кожаную папку, кореец шагал по лестнице. Звеня ключами, он вошел в маленький, но практичный кабинет. Компактный письменный стол, небольшой шкафчик в углу, да и портрет Великого Вождя были единственными украшениями в скромном помещении. Выставлять роскошь напоказ для парторга непозволительно. Сбросив черный плащ, Ли Эр Йон подошел к замерзшему окну и протер «глазок», теперь он мог видеть поселок. Вереница бревенчатых барачков, высокий забор, вышка КПП, через которую он въезжал несколько минут назад, – полный порядок. Постояв у окна некоторое время, дождавшись, когда сменится охрана на вышках, парторг, наконец, опустился на стул. Потянулся к графину, наполнил стакан холодной до ломоты в зубах водой.

Тишину прервал зуммер дискового телефона, спрятанного в выдвижном ящике карликового столика. Ли Эр Йон, служивший в органах госбезопасности не первый год, предпочитал хранить вещи в местах, недоступных чужому глазу. Поэтому поверхность стола в его отсутствие всегда была девственно чиста. Бросив пару слов в микрофон, парторг опустил трубку на рычаги. Отпив пару глотков воды, он стиснул зубы и со злостью выплеснул содержимое стакана на пол.

Парторг мгновенно изменился в лице: лоб покрылся капельками пота, под тонким слоем кожи проявились темно-синие вены. Сильно выступавший кадык то подкатывал к подбородку, то снова опускался, глотать стало сложно. Пульс участился, и Ли Эр Йон, как рыба, выброшенная штормом на берег, жадно хватал ртом воздух.

Трясущимися руками парторг дотянулся до папки. С трудом вытащил белый баллончик с прикрепленной к нему небольшой маской, повторяющей форму рта, и приник к ней губами. Пара вдохов, и корейцу стало легче. Откинувшись на спинку стула, он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и задыхался полной грудью.

Приступы астмы начались у него уже в России. После первого приступа, случившегося два года назад, белый баллончик стал неотъемлемой частью его жизни. Без этого баллончика он не представлял своего дальнейшего существования, как не представляет его тяжелобольной, подключенный к искусственной почке. Отключили от аппарата, и тебя нет.

Об этом недуге знал только он сам и не собирался ни с кем делиться своей тайной, опасаясь за занимаемое место. Желających занять его в Пхеньяне было предостаточно. Вдоволь отдышавшись, парторг выдвинул нижний ящик стола и достал карту. Разложив ее на столе,

он склонился над ней. Найдя нужный квадрат, кореец пометил карандашом интересующую его местность. Обвел кружками портовый город и вертолетную часть, отчертил дорогу, соединяющую два объекта, – провел поверх нее жирную линию, соединив два овала. Улыбнулся, постучал пальцами по столу. После чего занес карандаш над картой и опустил острие грифеля на излучину реки, вблизи которой была отмечена сопка. Обрисовал и это место, посмотрел на проделанную работу. Уголки губ корейца плавно поползли вверх.

Набрав короткий номер на дисковом телефоне, парторг поднес трубку к уху. Через минуту в его кабинете уже стояли два охранника. На вид им было лет двадцать, не больше. У каждого на груди поблескивал значок с изображением вождя. Выпрямив спины, подняв головы, корейцы, не мигая, смотрели на портрет Ким Ир Сена, висевший за спиной у парторга. Поудобнее устроившись на стуле, Ли Эр Йон открыл папку. Охранники замерли в ожидании. Их маленькие черные глазки перекатывались – останавливались то на начальнике охраны поселка, то на изображении Ким Ир Сена, словно они боялись обделить вниманием одного и другого.

* * *

Старый, но все еще добротный «Ми-8», принадлежавший морскому порту, пронесся над заснеженной равниной и взял курс на лесной массив. Тень от вертолета, как морская волна, переливалась по макушкам высоких деревьев, иногда проваливаясь в вырубленные участки леса. Изредка внизу мелькали дикие животные. Испуганные стрекотом лопастей, они бежали прочь, прячась в лесной глуши.

Вертолет забрал вправо и сбавил высоту. Казалось, что «Ми-8» вот-вот зацепится за верхушки деревьев и рухнет вниз. Но это было всего лишь зрительным обманом, пилот знал, что делает, – до леса оставалось метров пять. Ему не раз приходилось летать этим путем, в основном, когда вертолет арендовал Ставропольский. Щедрый бизнесмен платил не только за аренду морскому порту, но и пилоту лично, тот зарабатывал на одном полете больше, чем получал за месяц. Связавшись с базой, пилот пошел на посадку.

«Ми-8» завис над лесной делянкой, где уже было вручную расчищено место для посадки. Внизу, как муравьи в потревоженном муравейнике, копошились корейцы. Стук топоров, эхом разносившийся на многие километры, заглушил звук вертолетного двигателя. Пилот выровнял машину над площадкой и плавно опустил ее, шасси коснулись спрессованного снега. Лопасты все еще вращались, создавая вокруг машины сильный воздушный поток.

Кореец в длинном черном плаще, прикрывая лицо от ветра, торопился встретить прилетевшего гостя. Как только он подошел к «вертушке», полы его плаща взметнулись, аккуратно уложенная прическа вмиг растрепалась.

Дверца вертолета открылась, и на снег спрыгнул широкоплечий мужчина. Осмотрелся по сторонам, покосился на корейцев-лесорубов, рубивших неподалеку сучья. Не заметив ничего подозрительного, он разложил лесенку. На ступеньку ступила нога в сапоге с острым носом.

– Нет, Витя, не надо, я сам. – Ставропольский первым спустился на землю. – Неужели я так стар?

– Нет, что вы, Николай Павлович.

– Остаешься на борту, а мне с человеком поговорить надо.

Парторг шагнул навстречу бизнесмену и первым протянул руку. Обменявшись рукопожатием, мужчины направились к вагончику-бытовке, одиноко дымившему жестяной трубой среди поваленных деревьев. Корейцы-лесорубы, усердно стучащие топорами, не отвлекались от работы, хотя им и было интересно, что же за гость пожаловал в таежную глушь. Но все поголовно боялись поднять головы, боялись гнева начальника охраны Ли Эр Йона, жесткого

и принципиального парторга. Поэтому все покорно занимались своим делом, не бросая любопытных взглядов по сторонам.

Закрыв наглухо дверь, кореец предложил гостю присесть. На газовой плите предусмотрительно кипел чайник, извещая свистком о том, что вода уже закипела.

– Николай Павлович, может, кофе?

– Не откажусь. – Бизнесмен устроился на небольшом диванчике, выдавшем виды.

Приготовив кофе, Ли Эр Йон присел рядом со Ставропольским.

– Сразу к делу? Или... – Парторг бросил взгляд на бутылку корейской водки.

– Пожалуй, обойдемся без спиртного. – Бизнесмен отхлебнул горячего напитка.

– Смотрите. – Кореец пододвинул к диванчику стол, сколоченный из досок, снял с него газеты, под ними оказалась разложенная карта. – Вот здесь! – Ли Эр Йон ткнул пальцем в угол.

Ставропольский наклонился, прищурил глаза и посмотрел на указанный корейцем квадрат.

– Место хорошее.

– Лучше некуда, – корейцу понравилось, что бизнесмен одобрил его выбор.

– Только все должно пройти гладко, никаких подозрений насчет меня возникнуть не должно. Мне лишние проблемы не нужны.

– Насчет этого можете не беспокоиться.

– Тогда я полагаюсь на тебя, но если произойдет что-нибудь непредвиденное, пеняй на себя. – Бизнесмен пригрозил корейцу кулаком.

– Не беспокойтесь, Николай Павлович, не первый год работаем вместе.

Ставропольский поднялся и направился к двери.

– Подождите, я вас проведу, – парторг угодливо улыбнулся.

* * *

Пока пожилой бизнесмен беседовал с корейцем, Витя ожидал его в вертолете. Место, куда он приземлился, не слишком нравилось ему. Причина была проста – Витя никогда не верил корейцам до конца, недолюбливал их и называл не иначе, как «коммунистическими сволочами». Хотя чем «коммунистическая сволочь» хуже «капиталистической», объяснить не мог. Он все время поглядывал на часы и с нетерпением ожидал появления Ставропольского.

– Отвратное место, – произнес вслух Витя.

– Это точно, – отозвался пилот.

– Уже надоело на узкоглазых смотреть, будто и не Россия здесь, а какой-нибудь «Шаолинь гребаный». Быстрее бы домой вернуться.

На удивление Вити, его хозяин вернулся быстро – даже спросил: «Неужели надо было лететь? Перекинулся бы парой слов по телефону». Бизнесмен поднялся по раскладной лесенке в вертолет:

– Разгоняй винты. Пошли на взлет.

За иллюминатором маячил кореец в черном плаще, махающий взлетающей «вертушке» рукой. Витя бросил на него пристальный вопросительный взгляд. Это не укрылось от внимания Ли Эр Йона, в ответ он чуть заметно кивнул – на его губах играла неискренняя восточная улыбка, предназначавшаяся Ставропольскому.

– Сволочь коммунистическая, – стиснув зубы, проговорил Витя.

– Ты чего? – Ставропольский краем уха уловил реплику своего телохранителя.

– Не нравится он мне, Николай Павлович, кореец в плаще. Уж лучше конь в пальто.

– Он мне тоже не по душе, но что поделаешь – бизнес.

«Вертушка» вновь взмыла над лесом, оставив позади лесную делянку.

– Летим в сорок пятый квадрат, – абсолютно неожиданно приказал бизнесмен пилоту.

«Ми-8» сменил курс. Пилот выругался про себя, но ничего не сказал. За те деньги, которые заплатил ему бизнесмен, он обязан был кружить над тайгой хоть целый день.

– Теперь покружи над этим местом. – Николай Павлович выглянул в иллюминатор.

Витя тоже прикинул к иллюминатору, не понимая, что здесь забыл его хозяин.

«Сопка, излучина реки, дорога. Неужели заправку здесь построить хочет?» – размышлял Витя.

Вертолет сделал два круга и уже пошел на третий, но бизнесмен махнул рукой и приказал пилоту возвращаться на базу.

– Правда красиво? – Ставропольский пристально посмотрел на своего телохранителя.

– Тут и пикник неплохой получится. Поляна что надо. И вертолету есть где приземлиться.

– Надо будет как-нибудь внучку на природу вывезти, а то все время дома сидит. На природе свежий воздух, не то что в городе.

Николай Павлович чуть заметно улыбнулся и загадочно сверкнул глазами. Пилот «вертушки» связался по радиации с аэродромом и направил машину на юг.

Витя напрягся, как струна, почти одеревенел. Загадочный взгляд бизнесмена заставил его задуматься и поостеречься:

«Неужели он догадывается, что я сплю с его внучкой? Или просто так о ней вспомнил?»

* * *

Два бойца из комендантского взвода, совершавшие обход периметра вертолетной части, то и дело поглядывали на ангар, из окон которого лился яркий свет, отблески квадратных окошек искрились на снежной глади. Коренастый сержант поправил ляжку автомата, сделал последнюю затяжку – сигарета чуть не обожгла губы. Солдатский ботинок вдавил в белое полотно обгоревший окурок.

– Сейчас бы на КПП зайти да в очко перекинуться.

– А я бы чайку! – Второй охранник обреченно оперся о бетонное перекрытие забора.

– Ничего не выйдет, и сегодня работаем в усиленном режиме.

– Это все из-за гостей, что-то в ангаре высматривают. Целый час там уже торчат. – Сержант похлопал напарника по плечу. – Ладно, пошли обход делать. Еще полтора часа до смены снег топтать.

Они замолчали, подняв ворота бушлатов, направились вдоль проволочного забора, оставляя за собой цепочку рифленых следов солдатских ботинок, которые понемногу заметал снег.

В одном из ангаров, где находился сверхсекретный вертолет, собралось немало народа: московские инспекторы, инженеры, сотрудники «Ростехвооружения», техники вертолетной части и двое десантников. Десятки любопытных взглядов пытались, подобно рентгену, пронзить блестящую металлическую поверхность «вертушки». Рядом с «Барракудой» стоял испытатель и время от времени бросал реплики-ответы, касающиеся технических характеристик вертолета.

– А что, если электронная система выйдет из строя? – Майор Лавров рассматривал через открытую дверцу кабины панель приборов.

– Это невозможно в принципе. Здесь тройная система дублирования. Все предусмотрено нашими разработчиками.

– Отследить его реально? Радаром, например... – В разговор неожиданно встрял старший лейтенант Барханов.

– И это невозможно. При желании радарный мониторинг отключается или в автоматическом режиме, или простым нажатием кнопки. Получается вертолет-невидимка, – пилот усмехнулся, – кстати, вот она.

Старлей присвистнул. На губах майора заиграла заразительная улыбка.

– Желających посмотреть много. Я лучше отойду, гляну со стороны, – Барханов отошел от вертолета.

Пилот проводил старлея изучающим взглядом и повернулся к Лаврову лицом.

– Это все, что вы хотели знать, майор?

Лаврову не понравился откровенно наглый вопрос испытателя, как будто тот хотел побыстрее избавиться от собеседника. Видимо, его ждали более важные дела, чем рассказ о технических характеристиках «Барракуды».

Комбат Лавров изобразил на лице удивление и, вопреки желанию пилота, начал сыпать вопросами:

– Товарищ майор, а как же борьба с танками? Складки местности, ПЗРК «Игла»? Вертолеты противника?

– По огневой мощи наш новый вертолет равен десятку американских «Апачей». У противника нет ни единого шанса. – Пилот с неприязнью посмотрел на собеседника.

– Противника нельзя недооценивать. В любом случае, при наличии самой совершенной электроники, все решает человеческий фактор. – Лавров кивнул.

К вертолету вернулся старлей, шепнул:

– Майор, пошли, познакомись с командиром части. Очень интересный мужик. Что паял на «вертушку», когда она на земле стоит. Вот взмлет в небо, тогда посмотрим, – Барханов указал рукой на высокого пожилого полковника.

– Подожди, старлей, я к вам попозже присоединюсь. Все равно ему сейчас не до нас будет. Вон, видишь, московским гостям что-то объясняет. А у нас с майором Пожарским очень занятный разговор выходит.

– Не затягивай.

И тут к вертолету пробился капитан в годах, пилот из части, глаза его блеснули от любопытства.

– Скажите, товарищ майор, – обратился он к испытателю, – сколько времени надо, чтобы освоить такую машину? Где будет центр подготовки?

– Капитан, – снисходительно бросил майор Пожарский, – вам уже поздно мечтать о переподготовке, вам о пенсии думать надо. Не тратьте зря время на «Барракуду». Вам на ней уже не летать.

Капитан покраснел как рак, на помощь ему пришел Лавров:

– Мы все люди прошлого века. И вы, и я. А у капитана, думаю, заслуг перед Родиной не меньше, чем у вас. Опыт перенимать надо, а не нос задирать.

Испытателя аж перекошило от заявления десантника, но он смог сдержаться от словесного водопада в адрес настырного майора. Правда, от цепкого взгляда Лаврова не ускользнуло и это. В людях он разбираться умел, тем более в военных. И хамства не терпел.

– А из чего построен фюзеляж вертолета? – Лавров примирительно улыбнулся.

– Корпус композиционный: из алюминиевых сплавов и полимерных материалов, плюс специальные напыления, – недовольным тоном бросил Владимир Александрович, – извините меня, майор, но мне еще надо проверить аппаратуру. Скоро испытания.

– Хорошо, не буду вам больше надоедать. Но не забывайте, что молодость в нашем деле – не всегда достоинство.

Пожарский скрылся в кабине вертолета. Лавров хмыкнул, подмигнул капитану в годах и зашагал к Барханову, уже пробившемуся к командиру части. После беседы с представителем «Ростехвооружения» на душе у Лаврова остался неприятный осадок. Не нравился ему испытатель.

* * *

Николай Павлович развязал туго затянутый галстук, снял черный пиджак и устало опустился в кожаное кресло. За окном заурчал двигатель машины, раздался еле слышный хлопок. От особняка отъехал светло-коричневый «Хаммер». После того как охрана уехала и в доме остался только он и его внучка, Ставропольский, наконец, мог расслабиться. Будучи бывшим военным, он воспринимал охранников как своих солдат, а потому никогда не позволял себе при них даже малейшей слабости.

Опустив жалюзи и включив телевизор, бизнесмен подошел к барной стойке, приготовил свой любимый вечерний напиток – мартини с водкой. О внутренние стенки стакана застучали кубики льда. Облизнув пересохшие губы, бизнесмен пригубил спиртное. Тепло приятной волной прошло по его телу. Только сейчас Николай Павлович почувствовал настоящее облегчение. Отключив мобильный телефон, он вновь плеснул в стакан сразу из двух бутылок.

– Дедушка, можно войти? – В дверном проеме появилась Маша, на ее красивом молодом теле был только белый халат, и то застегнутый на одну верхнюю пуговицу.

– Застегнись! – нервно произнес бизнесмен. – Взрослая уже.

– Как скажешь. – Внучка застегнула остальные пуговицы. – Так пойдет?

Отставив стакан в сторону, Ставропольский присел на диван и уставился в экран телевизора.

– Ты что-то хотела сказать? Извини, я устал.

Маша улыбнулась, бросила взгляд на початую бутылку мартини и прошла в глубь комнаты. Девушка выглядела взволнованной и немного испуганной.

– Как прошел день? – ласково спросила Маша.

Николай Павлович на секунду оторвался от экрана телевизора и удивленно посмотрел на внучку.

– Неужели опять хочешь пойти на дискотеку? Ты всегда такая добрая, когда тебе что-то от меня надо. – Бизнесмен вновь повернулся лицом к экрану. – Мой ответ будет – нет!

По-детски хихикнув, внучка присела рядом с дедушкой. Положив руку на его плечо, Маша вновь улыбнулась.

– Мне от тебя ничего такого не надо. На дискотеку я не пойду. Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Хорошо прошел, правда, сильно устал, – уже без раздражения произнес бизнесмен.

– Хочешь, я приготовлю что-нибудь поесть? – весело сказала девушка. – К примеру, яблочный пирог – шарлотку. Я знаю, ты его любишь.

Удивлению Николая Павловича не было предела, ведь Маша никогда ничего не готовила. Не потому, что не любила вкусно поесть, а потому, что в доме была прислуга, всегда исполняющая кулинарные капризы хозяев.

– Ты это серьезно? – Ставропольский вцепился взглядом в девушку.

– Еще как.

– Если да, то с удовольствием, давно не ел яблочного пирога, – Николай Павлович тяжело вздохнул, – последний раз его готовила твоя мать. Жаль...

– Не надо, дедушка, – прервала его внучка, – я скоро.

Бизнесмен кивнул и опустил голову, погружившись в воспоминания. Бодрое лицо старика побледнело, сердце на мгновение замерло, а потом часто застучало. Схватившись рукой за грудь, Николай Павлович учащенно задышал. От крепкого и уверенного в себе холеного мужчины не осталось и следа, теперь в гостиной сидел совсем другой человек – постаревший и уставший от жизни. Сердечные приступы случались у него нечасто, но лишь стоило ему вспомнить о матери Маши, погибшей в автомобильной катастрофе, все внутри его замирало. Он

миллионы раз прокручивал в голове тот случай и искал всевозможные выходы, которые могли бы спасти ее, ведь за рулем был он и виновным считал себя. Хотя, как выяснило следствие, виновником дорожного происшествия был признан пьяный водитель грузовика, не справившийся с управлением и выскочивший на встречную полосу. Но незажившая душевная рана не давала бизнесмену покоя, все время напоминая о том дождливом летнем дне, перевернувшем его душу.

Бросив под язык таблетку, Николай Павлович глубоко вдохнул. Сердце вернулось к нормальному ритму и уже не торопилось вырваться из груди. Бледность с лица сходила, самочувствие улучшалось, силы пожилого бизнесмена восстанавливались.

– Уж лучше сердце, чем другая болезнь. От сердечного приступа – смерть мгновенная, и оглянуться не успеешь, – вслух произнес Ставропольский.

– Что ты сказал, дедушка? – В гостиной появилась девушка, держа в руках поднос с яблочным пирогом – шарлоткой.

– Да так, не обращай внимания. – Николай Павлович быстро спрятал упаковку валидола в карман. – Покажи, что там у тебя получилось.

– Немного подгорел... Не умею я этой духовкой пользоваться.

– Ничего страшного.

Ставропольский принял из рук девушки поднос и втянул ноздрями ароматный запах печеных яблок, аккуратно уложенных на хрустящей корочке теста.

– Выглядит аппетитно. Молодец.

– Правда? – Маша искренне удивилась.

– Конечно, внученька. Разве я умею врать?

Дедушка и внучка рассмеялись. Ставропольский отломал кусочек от пирога и отправил его в рот.

– Вкусно, – в знак одобрения он поднял большой палец вверх.

– Дай-ка и я попробую.

Пирог был съеден за считанные минуты, несмотря на то что и в самом деле был подгоревший. Николай Павлович первый раз в жизни попробовал стряпню внучки и был по-настоящему доволен. Это не ускользнуло от взгляда Маши.

– Дед, у меня есть к тебе одна просьба.

– Какая? – дожевывая остаток пирога, спросил Ставропольский. – Я же знал, что-то тебе от меня надо.

Девушка поудобнее устроилась на диване и заглянула в глаза дедушке. Собравшись с силами, она уже открыла рот, чтобы озвучить свою просьбу.

– Только не про дискотеку в городе, здесь нет ни одного пристойного клуба, – предупредил ее Николай Павлович.

– Не беспокойся. Я по другому поводу, – успокоила его Маша.

– Я весь внимание.

– Слушай, ты на полигон собираешься?

– Ну да, – Ставропольский снова удивился, – какая-то ты сегодня странная. Сначала пирог, а теперь полигон...

– Может, и меня с собой возьмешь? – прервала его Маша.

– Ты ведь военных не любишь... Жлобами их обзываешь. Да и вообще ты ведь за границу хотела поехать?

– Дед, давай я с тобой. Помнишь, как в детстве.

– Маша, понимаешь, – бизнесмен подался вперед, – лишь для меня сделали исключение, пригласив на полигон. Не женское это дело.

– Ты меня не любишь? – стала упорствовать девушка.

– Да нет, ты же знаешь, как трудно договориться с военными. Я двумя руками «за», но...

– Значит, нет, – вздохнула Маша, – тогда я пошла.

Николай Павлович напрягся. Ему не хотелось портить и до того натянутые отношения, сложившиеся у него с внучкой в последний год.

– Постой, давай поговорим. Не все зависит от меня.

– Если нет, тогда мне не о чем с тобой разговаривать. Или ты хочешь опять со мной поссориться? Первый раз я захотела понять твою теперешнюю жизнь, посмотреть на твоих друзей.

– Хорошо, ты меня уговорила, – согласился Николай Павлович. – Постараюсь уговорить командира части. Правда, там какая-то инспекция из Москвы ожидается. Плюс – чиновники из «Ростехвооружения», – бизнесмен задумался и почесал затылок, – не знаю, как они на это посмотрят.

– Дедушка, ты самый лучший! – Внучка оживилась, на детских щечках появился румянец.

– Только договариваемся сразу: в тот же день возвращаешься домой. Идет?

– Конечно, зачем мне там оставаться надолго. Не в казарме же жить. Я просто посмотреть на военных хочу.

– Только я ничего не обещаю. Все будет зависеть от руководства испытаниями.

Девушка радостно всхлипнула и бросилась на шею дедушке.

– Как раз твой шофер меня домой и доставит. Ты же не отпустишь меня с каким-нибудь незнакомым солдатиком на добитом армейском «УАЗе»?

– Хорошо, я сегодня же позвоню в часть, – пообещал Ставропольский, – а теперь давай иди спать.

– Спокойной ночи, дедушка.

– Спокойной...

Николай Павлович включил мобильный телефон и набрал номер заместителя командующего округом. На том конце линии ответил слегка заспанный мужской голос.

– ...небольшая просьба есть, – мягко произнес Ставропольский.

Подслушав за дверью разговор, Маша направилась в спальню, ее радости не было предела.

«Надо обязательно позвонить Вите, он будет рад», – повторяла про себя девушка.

Глава 4

«Хаммер» вылетел из-за крутого поворота узкой, пробитой в глубоком снегу дороги и, взревев мощным мотором, устремился по извилистой трассе. За пуленепробиваемыми стеклами машины мелькали деревья, огромные сугробы снега. Крепкий, мускулистый парень, одетый в костюм, постоянно поглядывал в боковое стекло на зеркальце заднего вида, связь по рации с джипом, идущим сзади, не прерывалась ни на минуту.

Телохранитель отложил рацию и посмотрел на часы.

– Идем по графику, Николай Павлович! – Мужчина в костюме обернулся.

На заднем сиденье «Хаммера» ехали Маша и Николай Павлович Ставропольские.

– Хорошо! – произнес бизнесмен, но глаза его тревожно блеснули.

– Никакого «хвоста», – заверил Ставропольского телохранитель.

Маша уже привыкла к подобной бдительности бабушки и хорошо понимала все меры предосторожности. Ставропольский держал в городе несколько крупных фирм и пару предприятий в зоне порта. Местных бандитов Ставропольский не опасался, с ними все вопросы были улажены, зоны влияния поделены. Его бизнес имел хорошую фээсбэшную «крышу». Но всегда могли найтись «отморозки». Заезжим гастролерам могло прийти в голову поднять на него руку. Такое случалось, правда, в течение нескольких дней гости исчезали, но на их место приходили новые. Процесс был бесконечен, и Ставропольский не поскупился на многочисленную охрану, чтобы защитить свою жизнь и жизнь внучки.

– Дед, мы скоро приедем? – Девушке уже надоело трястись по снежной дороге.

– Скоро, скоро.

За стеклами внедорожника мелькнула небольшая деревушка. Бревенчатые хаты были засыпаны снегом доверху, старый забор покосился, как будто здесь никто и не жил.

– И как здесь люди обитают? – Маша, привыкшая жить на широкую ногу, никак не могла осмыслить увиденное.

– Это и есть настоящая Россия, – ответил на замечание внучки бизнесмен.

– Ужас. – Девушка проводила взглядом пропадающую за поворотом деревню.

Вскоре «Хаммер» подкатил к железным воротам – за колючей проволокой просматривался ряд заснеженных ангаров. Охранник на КПП привел в действие раздвижной механизм ворот.

– Не слишком впечатляет. – Маша впервые вживую увидела военный объект, до этого наблюдала их только в голливудских кинофильмах.

– Главное – не эффектно, а эффективно, – отозвался телохранитель на переднем сиденье.

Машина притормозила возле ангара, телохранитель вышел из салона, открыл дверцу пассажирам. Тут же навстречу гостям из ангара вышел командир части. Поправив сбившуюся набок фуражку, зашагал к Ставропольскому.

– Здравствуйте, Николай Павлович! – Полковник пожал крепкую руку бизнесмена.

– Здравствуй, Олег Константинович, здравствуй.

Двое мужчин по-дружески обнялись, командир части перевел взгляд на молодую девушку.

– А это, как я понимаю, твоя внучка, – рассматривая с ног до головы девушку, произнес полковник, – наслышан, наслышан.

– Моя. – Бизнесмен утвердительно кивнул.

– Как вас величать? – полковник улыбнулся.

– Мария. – Девушка слегка засмушалась.

– Хочешь посмотреть вертолеты?

Маша усмехнулась и глянула на улыбающегося полковника.

– Еще бы, их не каждый день увидишь.

– Вот и славненько. Я лично проведу экскурсию.

За «Хаммером» остановился черный джип, дверца хлопнула, и из салона вышел Виктор. Взглянув на Машу, телохранитель подошел к бизнесмену.

– Витя, пойдешь со мной, – бросил Николай Павлович, – а остальной охране передай – оставаться на месте. От машины далеко не отходить.

Когда гости вошли внутрь ангара, все присутствующие сразу же обратили внимание на пожилого человека в добротном костюме. Всем им хорошо было известно, что в часть должен приехать влиятельный в местных масштабах человек, и каждый считал своим долгом поглазеть на удачливого бизнесмена.

– Это Николай Павлович Ставропольский! – представил уважаемого гостя командир части.

Майор Лавров и старший лейтенант Барханов держались в стороне от московских военных, они не спешили знакомиться со Ставропольским. Батяня справедливо считал, что испытания секретного вертолета – не аттракцион и присутствовать на мероприятиях подобного рода имеют право только специалисты.

– Смотри, как перед ним стелются. Противно смотреть. – Старлей передернул плечами.

– Может, он и хороший человек, но на его месте я бы не поехал сюда, – произнес майор.

– А что это с ним за девушка? – Барханов прищурился. – Красивая. Жена? Любовница?

– Наверное, дочь или внучка, вряд ли любовница, слишком независимо с ним держится, – сделал предположение Лавров.

Тем временем Николай Павлович поздоровался с гостями и, осмотревшись по сторонам, заметил двух крепких десантников, беседовавших между собой.

– Идет к нам, – тихо произнес Барханов.

– Здравствуйте. С кем имею честь? – Ставропольский протянул руку десанникам и представился.

– Спецназ ВДВ, – ответил майор, пожал руку, назвал себя и Барханова.

– Круто! – только и успел выговорить бизнесмен.

– Вы здесь нарасхват, мы не будем вам мешать. – Барханов заметил, как полковник выискивает взглядом бизнесмена.

– Вижу, вы мне не слишком рады. Конечно, штатский на испытаниях. Но я здесь не чужой, сам погоны носил.

– Я ничего такого не говорил, – спокойно ответил майор.

– Но... подумали. До встречи.

Барханов и Лавров переглянулись. Губы старлей расплылись в улыбке.

– Мужик достойно держится. Сделал тебя, майор.

– Еще неизвестно, кто кого. – Лавров пожал плечами.

Майор и старлей продолжали наблюдать за бизнесменом. Николай Павлович переговорил с командиром части и пожал руку испытателю «Барракуды». Они что-то произнесли друг другу и зашагали к выходу.

– Оставайся здесь, а я за ними.

– Всегда ты что-нибудь придумаешь, – недовольно буркнул Барханов.

– Я не придумываю, старший лейтенант, я приказываю.

– Так всегда, – с досадой в голосе сказал старлей. Но все-таки ответил должно. – Есть: оставаться на месте, товарищ майор.

– Так-то.

Произнеся это, майор направился вслед за удаляющимися из ангара пилотом и бизнесменом. Оказавшись на улице, Лавров успел заметить, как двое мужчин вошли в соседний

ангар, где находилась «Барракуда», и плотно закрыли за собой ворота. Майору это показалось странным: что может объединять местного бизнесмена и испытателя? Догадок было много.

Майор потянул на себя дверную ручку калитки в огромных воротах. Та поддалась. Заглянув в щель, Лавров увидел охрану у вертолета. Испытатель стоял у стены, держал в руках карту, рядом с ним был бизнесмен, что-то ему объяснял. Но услышать, именно что, не позволяло расстояние. И майор Лавров решился.

Сильно хлопнув дверью, тем самым привлекая внимание двух мужчин, он вошел внутрь. Первым обернулся пилот – встретил комбата напряженным взглядом, было видно, что он сильно нервничает. Спокойным оставался лишь бизнесмен.

– А, это вы, – улыбнулся Ставропольский.

– Что-нибудь еще, майор? – испытатель сдержался, чтобы не сказать это резко.

Майор с беспечным видом подошел и стал рядом.

– О чем интересном разговариваете? – Лавров смотрел на сложенную карту в руках испытателя.

– Изучаем, где лучше всего поохотиться. Пройдут испытания. А я верю, что успешно. Надо будет отметить. Я тоже вертолетчик, в Корею воевал, – проговорил Николай Павлович.

Майор выслушал бизнесмена, понимающе кивнул, перевел взгляд на Пожарского.

– Охота – дело хорошее. А не рано ли навесили боевое вооружение? – сказано это было почти безразличным тоном.

– Может, вы еще спросите, что я ел на завтрак? – удивился испытатель.

– Я член комиссии, но не авиатор. Много не понимаю. Хочу разобраться, что и к чему.

– Нет. Не рано, – отчетливо проговорил пилот, – все нужно проверить. Хотя если вас интересует, то я немного поспешил относительно графика.

– Охота для всех членов комиссии или для избранных? – Десантник посмотрел на часы. – Извините, меня ждут. Хотелось еще раз взглянуть на вертолет.

– Конечно, для всех, – отозвался Ставропольский, – а вас я приглашаю лично. Но охота пока – секрет для других. Вы уж не подведите. Не выдайте раньше времени государственной тайны.

Майор покинул ангар. В его голове уже начинали вырисовываться предположения, правда, связать их воедино он пока не мог.

* * *

«УАЗ» съехал с дороги перед самой сопкой и уткнулся бампером в снежный вал, собранный бульдозером. Хлопнула передняя дверка – из салона выбрался Ли Эр Йон в черном кожаном плаще с меховым воротником. Вслед за парторгом из машины вылезли четверо корейцев – охранников лагеря. Йон надменно посмотрел на подчиненных и первым принялся взбираться на гору, утопая в глубоком снегу. Распахнув полы плаща, кореец достал мощный бинокль. Приложив окуляры к глазам, Ли Эр Йон словил в объектив вертолетную часть, раскинувшуюся почти у самого горизонта. Кореец отрегулировал резкость и приступил к осмотру. Полоска леса, растянувшаяся перед частью, ухудшала обзор, но для Йона, стоявшего на сопке, это не было особой преградой. Деревья почти сплошь были сухими, с осыпавшимися иголками, пораженные короедом. Единственное, что ему мешало, – редкие верхушки высоких уцелевших деревьев, качавшиеся на ветру.

Несмотря на помехи, кореец наконец рассмотрел то, что его интересовало. Удовлетворенный, Ли Эр Йон спрятал бинокль. Четверо корейцев стояли как статуи, даже не двигались, ожидали от всемогущего господина приказа. Парторг начал спуск, он бежал по склону, хватаясь за ветки, огибая деревья.

У машины Ли Эр Йон бросил пару слов охранникам, мотнул головой и запрыгнул в «УАЗ». Как псы, спущенные с поводка, трое корейцев ринулись в лес. И только один охранник спокойно подошел к «УАЗу», достал канистры с бензином и не спеша направился вслед за остальными. Невдалеке слышались приглушенные голоса, хруст ломаемых веток и треск снежного наста.

Ли Эр Йон улыбнулся своему отражению в зеркале заднего вида и закурил сигарету. Но парторг не затягивался, он лишь смотрел на тлеющий табак. Когда пепел дошел до самого фильтра, вернулись охранники. За их спинами дымился лес.

Языки пламени уже охватывали ветви сухих деревьев и рвались вверх, пытаясь достать до самых макушек. Среди стволов ползла непроглядная дымная завеса, смолистый дым щекотал нос. Надолго задерживаться здесь парторг не собирался. Двигатель закашлял, «УАЗ» завелся. Подскакивая на неровностях, машина помчалась к поселку лесорубов.

Над лесом за считанные минуты поднялся столб дыма. Пожар разгорался, ширился, перекидываясь на все большее количество деревьев. Небо затянуло серой, мутной пеленой.

* * *

К вечеру все гости собрались в штабной палатке, наступила долгожданная всеми заключительная часть знакомства – праздничный стол. И хоть за брезентом трещал мороз, в палатке стояла жара, всюду пылал огонь сразу в четырех печках-буржуйках. Вместо пола под ногами хрустел толстый слой старательно уложенных еловых лапок. Изморенные голодом, но удовлетворенные подготовкой к испытаниям, гости уселись за длинный деревянный стол, заставленный дальневосточными деликатесами. Помимо многообразия блюд, как и полагается, было спиртное. В советские времена обошлись бы и авиационным спиртом – у авиаторов его всегда полным-полно, надо же ухаживать за точными приборами. Но времена теперь изменились, столичную публику спирт не прельщал, на столе красовались коньяк и водка. По количеству закусок ужин обещал плавно перетечь в завтрак.

Во главе стола восседал бизнесмен, бросал веселые взгляды на всех присутствующих. Командир части вообще оказался где-то в середине, как будто и не он был хозяином праздника. Но этому имелось объяснение: ведь все, что находилось на столе, поставил за свои деньги Ставропольский.

Майор Лавров и старший лейтенант Барханов не спешили присесть, они выбирали место. Большинство гостей устраивались компаниями по интересам. Испытатель – майор Пожарский примостился почему-то рядом с Николаем Павловичем.

– А чего это десантники не присаживаются? – громко произнес Ставропольский, чтобы все гости обратили на них свое внимание.

– Не волнуйтесь, мы обязательно присоединимся к столу, – ответил Лавров, – высматриваем, где водки побольше.

– Тогда прошу поближе ко мне!

Десантники пробрались вдоль стола – приняли приглашение. Когда все уже расселись, командир вертолетной части отодвинул складной стул, встал и вытянулся во весь рост, словно струна.

– Товарищи офицеры, господа, мы собрались здесь, чтобы отпраздновать значимый день в отечественном авиастроении. Завтра должны пройти полигонные испытания. Я, офицеры нашей части, техники, обслуживающий персонал постарались сделать все, чтобы вы чувствовали себя уютно. Можно было накрыть столы и в клубе, но для полевых испытаний и условия должны быть полевыми. Надеюсь, наша скромная служба позволит провести испытания успешно. Другого варианта не дано, – полковник поднял граненый стакан, в котором плескалась водка, – за оружие нового столетия... даже тысячелетия, за вертолет «Барракуда».

Гости дружно подняли стаканы, пригубили спиртное. Майор Лавров выпил пятьдесят граммов и положил на тарелку кусочек красной рыбы.

– От души сказал! – сидевший рядом с комбатом старлей зачерпнул из блюда коркой белого хлеба красной икры.

– Ты много не пей, лучше быть трезвым среди пьяных, чем пьяным среди трезвых, – предупредил товарища Андрей Лавров.

– Я лучше икры поем. Водки и дома хватает. Когда еще так посидим. – Барханов с аппетитом поедал красную икру.

– Тебе только икру жрать. Такое ощущение, что тебе от этой жизни больше ничего и не надо.

– Хорошая пища – залог здоровья.

– Хватит умничать. Наблюдай за бизнесменом и пилотом. Ставропольский угощает на славу, но не хватало еще, чтобы испытателя напоил. Ему завтра в воздух подниматься.

Гости примолкли – из-за стола поднялся бизнесмен, поправил галстук, пригладил волосы.

– Не буду повторяться. Единственное, что могу сказать – вертолет «Барракуда» станет лучшим вертолетом в мире. Хотя почему станет? Он уже есть! – Николай Павлович покосился на улыбающегося командира части. – Когда-то я сам служил в авиации, даже воевал и знаю, что это такое. И пускай некоторые гости думают, что я здесь чужой. Могу их заверить, что они ошибаются. Сердце мое, – Ставропольский прижал руку к груди, – с вами – людьми в погонах.

Майор и старлей переглянулись, догадавшись, что последние слова Ставропольского направлены в их адрес. Но десантники решили сделать вид, что не заметили этого.

Гости снова выпили, штабная палатка постепенно наполнялась гулом голосов. Звенели тарелки, за столом царил непринужденная атмосфера. Но непринужденной она стала не для всех – испытатель почти не пил, как и десантники, а потому замечал на себе пристальные взгляды майора и старшего лейтенанта. Встретаться с ними глазами он не рисковал, предпочитал смотреть поверх голов.

На другом от Ставропольского конце стола сидели Маша и Витя, в отличие от других гостей они вообще не пили, балуя себя лишь деликатесами.

– Не знаю, как тебе, но мне уже здесь скучно. Все, что я хотела, увидела, – тихонько произнесла Маша, – я хочу уехать прямо сейчас.

Витя загадочно улыбнулся:

– Твой дед обидится. Еще немного побудем. Уроды в бушлатах еще не напились. Как напьются, скажешь деду, что тебе не хочется быть в компании пьяных мужиков... Ведь в машине мы еще не пробовали.

Маша хихикнула и положила руку на колено любовника.

– Посидим еще часик и поедем, а то дед и в самом деле обидится. Как начнут матом ругаться, так сразу к нему и подкачусь.

– Как хочешь.

Гости регулярно оживлялись, тост следовал за тостом, в стаканы уже не плескали спиртное, а наливали. Многие гости ужрались в хлам и уже не следили за своим поведением. Пьяный командир части время от времени вставал и произносил непонятные для окружающих тосты, касающиеся чего угодно, но только не предстоящих испытаний. При этом его абсолютно не интересовало, слушают его или нет. Трезвыми оставались пилот и борттехник, на которых лежала ответственность – ведь завтра им предстояло управлять «Барракудой», а для этого нужна светлая голова. Мало пил и бизнесмен, что показалось странным для десантников.

– Ему-то чего? Он же не будет управлять «Барракудой». Непонятно...

– Может, здоровье не позволяет, – предположил старлей.

– Ерунда. Мужик он крепкий. Таких ничего не берет.

Московские гости сильно налегли на спиртное, и казавшиеся бесконечными запасы все же кончились, на столе остался лишь один спирт.

– Эй, командир, – московский полковник вспомнил о командире части, – а топливо-то кончилось!

– Спирт есть! – твердо отвечал полковник.

– Что пить будем? – Московский инспектор, покачиваясь, поднялся из-за стола, держа в руках пустую бутылку из-под водки. – Я спирт не буду, а то завтра и голову от подушки не оторвешь. Бля...

Присутствующие дружно загудели, подняв пустые стаканы. Витя что-то шепнул Маше и вышел из палатки. Вернулся он с ящиком дорогого коньяка. Московские гости приветствовали своего спасителя и уже готовились продолжить пьянку.

– Ну, ты и фокусник. – Командир части откупорил одну из бутылок.

– Нет проблем. Просто в багажнике завалялся, – открестился Витя.

Ставропольский победно осмотрел собравшихся:

– Фокус, – громко произнес он, – вот только матом ругаться не надо. Тут моя внучка. Выпьем за дам! За Машу.

Пьянка набирала обороты. Тосты уже не звучали, каждый пил, когда хотел и сколько мог.

Пилот глянул на часы, окинул взглядом гостей и забарабанил пальцами по столу. Майор давно заметил, что тот нервничает, и поэтому все время наблюдал за представителем «Ростехвооружения».

– Да, тяжело быть трезвым среди пьяных, – проговорил Барханов, – может, догоним старших по званию? Шанс еще есть, пока коньяк не весь выпили.

В палатку вбежал дежурный офицер. Подойдя к командиру части, он наклонился и что-то сообщил ему на ухо. Лицо полковника изменилось, кулак сжался.

– Минутку внимания, – взволнованно заговорил полковник, – у нас ЧП – рядом горит тайга, огонь подбирается к воинской части. Солдаты-срочники уже валят деревья. Уже сообщили в штаб округа, однако масштаб возгорания можно оценить только с воздуха.

Командир части немного отрезвел, веселье было прервано. Гости замолкли, осмысливая неожиданную новость. В воздухе повисла долгая пауза.

– Я-то думал, что это так печки дымят, – раздался голос одного из московских контролеров, – оказывается, пожар.

– Надо лететь на дежурном вертолете, прошу меня извинить. – Командир части удалился.

Прерывать пьянку никто больше не захотел. Москвичи вновь загудели, зазвенели стаканы. Но и это продолжалось не слишком долго – некоторые гости умудрились заснуть прямо за столом.

Бизнесмен неторопливо поднялся с места и подошел к Маше.

– Тебе смотреть на это не стоит. Езжай домой! Виктор тебя отвезет.

– А ты остаешься? – Девушка сделала вид, что удивилась.

– Остаюсь. Может понадобится моя помощь.

Витя повел Машу к выходу.

Майор проводил удаляющуюся парочку взглядом и повернулся к Барханову.

– Как ты думаешь, между ними что-нибудь есть?

– Еще как, он на нее смотрит и облизывается, да и за столом много внимания ей уделял. Девушка красивая, я бы и сам за ней поухаживал, но слишком молода для меня.

– Интересно, Ставропольский про это знает?

– Нам-то какая разница? – зевнул старлей. – Вон как всех развезло, аж прямо за столом отрубались. Идем лучше спать.

– Пожар в тайге. Насколько я знаю, пожары летом случаются. А если зимой, то это уже тема для размышлений. У меня плохое ощущение. – Лавров задумался.

– Вечно ты со своими предположениями и ощущениями... Не нравится мне твое настроение.

– И вот теперь скажи: когда-нибудь я был не прав?

– Иногда случалось, – честно признался Барханов.

* * *

Масштаб возгорания можно было оценить только с высоты птичьего полета. Дежурный вертолет «Ми-28» уже завис над пылающей тайгой, разгоняя своими лопастями столб дыма, вздымающийся над лесом. Оправдались самые худшие предположения – пожар ширился. Ветер быстро перекидывал языки пламени на соседние деревья.

– Надо вызывать МЧС, своими силами не справимся, – пилот посмотрел на командира части, – но у них с транспортом плохо.

– Было бы топливо, мы бы их своими машинами доставили, а так у нас только один вертолет, – печально произнес полковник.

– Посмотрим, что творится пониже.

Вертолет взял вправо, нырнул в густую дымку и вылетел с обратной стороны.

– Ни хрена не рассмотрел.

Командир части даже ремень расстегнул и привстал, чтобы получше рассмотреть, он глядел перед собой на пылающий лес, покачал головой и вытер платком вспотевший лоб.

– Как ты думаешь, из-за чего возник пожар?

– Скорее всего, лесорубы. Ветки жгли и огонь без присмотра оставили. Ветер огонь разнес.

– Маловероятно, ближайшая делянка далековато, – полковник задумался, – а может быть, поджог?

– Кому это надо? – удивился пилот.

– Не знаю, я так сказал – мысли вслух.

– Пускай МЧС разбирается, нам на базу пора. Топлива в обрез.

– Возвращаемся, – решил полковник.

Пилот вышел на связь.

– ...Очаг возгорания под нами... Если ветер не переменится, огонь обойдет военную часть стороной... Связывайтесь с МЧС, мы возвращаемся.

Пилот тронул рычаг, «вертушка» взмыла над дымом и огнем.

– Вот и все, мы сделали, что могли.

И тут что-то загрохотало в двигателе, полковник нервно глянул на панель приборов – тревожно замигали лампочки.

– Двигатель перегрелся. – На лице пилота отразился ужас.

– Этого еще не хватало.

Двигатель захлебнулся, и уже казалось, вот-вот остановится, но этого не случилось. Пилот и командир переглянулись. Двигатель вновь закашлял, загрохотал.

– Снижаемся... Надо его вырубить, а то потянет вниз.

– Выйдешь из зоны пожара – переведи лопасти во флюгирование, – прокричал полковник.

Днище вертолета уже лизали языки пламени, краска начинала пузыриться, в салоне запахло гарью. Двигатель замолчал, и «вертушка» стала стремительно опускаться.

Лопасты, переведенные в режим флюгирования, продолжали вращаться, но не могли удержать тяжелую машину. «Ми-28» завертелся на месте, стал терять высоту, устремляясь в самую гущу пожара. Пилот задергал рычагом, пытаясь выпрямить вертолет, но «вертушка» клюнула носом и полетела в огонь. Пилот и полковник были обречены.

«Ми-28», подхваченный потоком горячего воздуха, перевернулся брюхом вверх. Командир части даже не успел пристегнуться, ударился головой о потолок, исчез в салоне. Пилот повис на ремнях, ухватился за сиденье. Из-под воротника его куртки выскользнула цепочка с крестиком. Закрыв глаза, он лихорадочно пытался вспомнить слова молитвы, уже понимая, что все кончено.

– Отче наш... – беззвучно шевельнулись губы.

Даже не стоило пытаться выпрыгивать из кабины, так как посекут винты: аварийный вертолет – это мясорубка в свободном падении. А в авиации самая большая смертность среди пилотов как раз у вертолетчиков.

Огонь принял в свои объятия падающий вертолет. «Ми-28» в мгновение ока исчез в бушующем пламени. Топливные баки взорвались, подняв в воздух огромное огненное облако, похожее на сжатый кулак. Пожар в тайге продолжал разгораться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.